

ТЕМА ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА И Н. В. ГОГОЛЯ
(К ВОПРОСУ О РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ)

Ф. С. Фицджеральд является одним из крупнейших американских прозаиков первой четверти XX века. Наряду с Т. Драйзером, Ш. Андерсоном, Э. Хемингуэем, У. Фолкнером этот писатель выступал как тонкий, самобытный художник, без творчества которого трудно представить «литературную критику» США. Не принимая во внимание лучшие произведения Фицджеральда («Великий Гэтсби», «Ночь нежна», «Сказки Века Джаза» и др.) невозможно не только составить полное представление об американском литературном процессе 20–30-х годов XX века, но и проследить важные закономерности развития критического реализма в американской литературе.

Путь Фицджеральда – одна из самых драматических страниц в истории американской литературы XX века. И эту драму, эти взлёты и падения нельзя объяснить одними лишь особенностями писателя, тягостно сказавшимися на его человеческой и творческой судьбе. Он был сыном своей эпохи и своей страны – Америки «джазового века», получившей такое название от заглавия одного из сборников новелл автора («Сказки Века Джаза»).

Именно Фицджеральд сумел показать в своих лучших произведениях и на самом высоком уровне последствия страшных исторических потрясений – первую мировую войну, «великую депрессию» – выпавших на долю его ровесников-американцев, утрату веры в «американскую мечту», иллюзорность понятия «американский образ жизни».

В настоящее время накоплен значительный критический материал о творчестве писателя, о чём свидетельствуют работы А. Майзенера, Э. Тернбулла, К. Кросса, А. Зверева и Ю. Лидского. Однако ряд вопросов фицджеральдистики ещё ждёт своих заинтересованных исследователей. Один из них – Фицджеральд и творчество Н. В. Гоголя. Несколько ценных замечаний в монографиях Т. Мотылёвой, Д. Затонского, В. Кухалашвили – вот, пожалуй, исчерпывающий список литературы, посвящённой выявлению взаимосвязей в творческих системах американского и русского писателей.

Что касается истории изучения этого вопроса на Западе, то учёные пошли по одному, на наш взгляд, ложному пути: они попытались зафиксировать отдельные случаи тематических перекличек в произведениях Фицджеральда и Гоголя без какой-либо дифференциации. В результате оказался собранным материал, который не позволил утверждать, что художественное мышление Фицджеральда складывалось под воздействием Гоголя, так как найденные параллели (а часто случайные совпадения) затрагивали не основополагающие принципы построения мира, а самые поверхностные уровни текста. Принимая во внимание неразработанность данной темы, мы не ставили перед собой задачу исчерпать все её возможности, а ограничились лишь попыткой выявления типологических сходжений в творчестве Фицджеральда и Гоголя, в частности, как преломляется урбанистическая тема в их произведениях.

Изображая город, и Фицджеральд, и Гоголь являются создателями особой атмосферы, таинственной и в то же время трагической, пронизывающей структуру произведений «Невский проспект» и «Великий Гэтсби». Собственно фантастических атрибутов в их «чистом виде» в романе Фицджеральда нет. Их нет и в «Невском

проспекте», в отличие от других «петербургских повестей» Гоголя. Но, как отмечает Ю. Покальчук, «сама атмосфера произведения говорит о необычности того, что происходит, о предчувствии неожиданного, «чужда», когда сама действительность выглядит зыбкой, призрачной, расплывчатой, иными словами почти фантастической». «Он лжёт во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущённой массой наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях, и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё в ненастоящем виде» [1, 44].

В известной мере подобный, почти незаметный сдвиг реальности, создающий особую атмосферу романа, наблюдаем и в «Великом Гэтсби»: «Уэст-Эгг я до сих пор часто вижу во сне. Это скорее не сон, а фантастическое видение, напоминающее ночные пейзажи Эль Греко: сотни домов банальной и в то же время причудливой архитектуры, сторбившихся под хмурым, низко нависшим небом, в котором плывёт тусклая луна; а на переднем плане четверо мрачных мужчин во фраках несут носилки, на которых лежит женщина в вечернем белом платье. <...> В сосредоточенном безмолвии мужчины сворачивают к дому – это не тот, что им нужен. Но никто не знает имени женщины, и никто не стремится узнать».

После смерти Гэтсби я не мог отделаться от подобных видений; всё представлялось мне в уродливо искажённых формах, которые глаз не в состоянии корригировать» [2, 428].

Фицджеральд, как и Гоголь, не часто вводил конкретные элементы фантастического, но в то же время импрессионизм и гротеск создавали почти фантастическую атмосферу, что в совокупности становилось эмоциональной доминантой, обостряло и социальное звучание таких совершенно разных произведений, как «Невский проспект» и «Великий Гэтсби».

Образ Нью-Йорка в «Великом Гэтсби» многозначен.

С одной стороны, он выступает как конгломерат Соединённых Штатов, в котором «длинным белым пирогом протянулись одинаковые многоквартирные дома» [2, 905], но, с другой стороны, в такой ипостаси он занимает некое «промежуточное» место между двумя другими, резко контрастирующими образами – «Долины Шлака» и нетронутого лона «нового» мира.

Петербург Гоголя – место действия всех его повестей. Но это совсем иной город, который был известен по произведениям предшествующих автору поэтов и писателей.

Гоголь продолжил пушкинскую традицию (сочетание величия «Петра творенья» с ощущением неблагополучия в самодержавной России), но сделал это своеобразно, в значительной степени опираясь на свой личный опыт.

Приехав 20-летним юношей в столицу, он пережил тяжёлое разочарование. Будущий писатель увидел Петербург совсем не таким, как представлялся его романтическому воображению. Северная столица поразила Гоголя картинами глубоких общественных противоречий и трагических социальных контрастов.

Люди, нравы, обычаи – на всём лежал отпечаток

особой «физиогномии» Петербурга, города, в котором человеческие отношения искажены, в котором всё позорное, фальшивое, в котором торжествует пошлость и гибнет талант.

Гоголь делает Петербург сквозным героем своих произведений. Петербург не просто фон, на котором происходят события, не внешняя рама сюжета. Он играет важную роль в композиционной структуре «петербургских повестей». Вот почему образ Петербурга очень существенен для понимания идейной и эмоциональной атмосферы всего цикла.

Гоголевский Петербург предстаёт перед нами как воплощение всех безобразий и несправедливостей, творящихся в николаевской России. Это город, где «кроме фонаря, всё дышит обманом» («Невский проспект»); город, где разыгрывается драма одаренного художника («Портрет»); город, где происходят удивительные происшествия с чиновниками Ковалёвым («Нос») и Поприциным («Записки сумасшедшего»); город, в котором нет жителя бедному, честному человеку («Шинель»). Гоголевские персонажи сходят с ума или погибают в неравной борьбе с жестокими условиями действительности.

Как и в произведениях Фицджеральда (речь идёт об изображении Нью-Йорка), образ Петербурга в восприятии Гоголя всегда двойственен, внутренне контрастен. По сути, и у Фицджеральда, и у Гоголя нет в произведениях единого образа столицы. Богатые и бедные, беспечные бездельники и горемыки-труженики, преуспевающие пошляки и терпящие крушение романтики – каждая частица Петербурга и Нью-Йорка имеет две стороны. И их обе тщательно исследуют

русский и американский писатели. Город у авторов выступает то суетно-мелочным, давящим оттенками серого и ослепляющим внезапной феерией ярких красок, подобно Петербургу гоголя и Нью-Йорку Фицджеральда, то выступает мёртвым и мрачным, туманным или раскалённым лучами солнца, подобно Долине Шлака в «Великом Гэтсби», или кварталу для разнородного петербургского отребья в «Портрете». И жителям этих мест писатели дали идентичную идеальную характеристику – шлаковые (Фицджеральд) и пепельные (Гоголь) человечки. И не ради того, чтобы унижить, настроить читателя на определённое их восприятие, а для того, чтобы показать всю серость, аморфность этих внешне живых, но душевно мёртвых людей. И за этими людишками с презрением смотрят глаза – живые, леденящие с портрета в одноименной повести Гоголя, и выцветшие на щите у дороги в «Великом Гэтсби». Блеклые и пустые глаза доктора Эклберга, являясь лишь рекламой, в то же время олицетворяют для владельца гаража, Уилсона, всевидящее око Господа Бога.

Таким образом, и русский, и американский писатель в своих произведениях подчёркивают трагикомическую нелепость жизни большого города и его дегуманизирующее воздействие на человека.

Типологическое сходство в разработке урбанистической темы Фицджеральдом и Гоголем предопределено не в последнюю очередь тем, что реалистическое искусство обладает важной особенностью: оно вскрывает объективные социальные и этические закономерности бытия.

Литература

1. Гоголь, Н. В. Невский проспект / Н. В. Гоголь // Собр. соч.: в 7 т. – М., 1966. – Т. 3.
2. Фицджеральд, Ф. С. Великий Гэтсби / Ф. С. Фицджеральд // Собр. соч.: в 3 т. – М., 1984. – Т. 2.